

НЕКОТОРЫЕ НОВЫЕ ИТАЛЬЯНСКИЕ РАБОТЫ ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО РИМА

Рассматриваемые в настоящем обзоре работы, посвященные темам и более общим, и частным, касаются проблем и архаического, и императорского Рима, но их связывает между собой то, что все они написаны специалистами по римскому праву и находятся, так сказать, на стыке исторической и юридической наук. Это сказалось и на тематике рассматриваемых работ и на методе использования их авторами источников, как литературных (с точки зрения их значения для выяснения соотношения истории права и истории общества), так и юридических (с точки зрения их значения для понимания тех или иных событий, ситуаций, институтов, для понимания того или иного периода римской истории). Такого рода подход и даваемые им результаты особенно важны для историков, часто еще далеко не достаточно использующих богатейший материал, содержащийся в сочинениях римских юристов.

Следует отметить еще одну характерную для рецензируемых работ черту: решительный отказ от гиперкритического отношения к источникам, будь то Тит Ливий и Дионисий Галикарнасский, будь то отрывки из Дигест, столь часто отвергавшиеся, как якобы результат позднейшей интерполяции. С отказом от гиперкритицизма связана и тщательность в использовании источников, рассмотрение их данных в тесной связи с исторической ситуацией изучаемого времени, стремление доказать, что данное сообщение соответствует именно этой ситуации и не могло быть измышлено в иных условиях. Когда анализируются данные юристов, то привлекаются высказывания всех юристов по изучаемой теме или все отрывки из сочинений одного юриста, содержащиеся в Дигестах, и лишь на основании сопоставления и анализа всего материала делаются выводы. Рассматриваемые работы можно разделить на три группы: посвященные проблемам древнейшей истории Рима, посвященные отдельным вопросам Поздней Республики и Принципата, общие работы по длительному периоду римской истории.

К первой группе относятся: книга Л. Капогресси-Колоньези о земельной собственности в архаическом Риме¹, сборник под редакцией Ф. Серао «Законы и общество в Римской республике»² книги Р. Орестано о возникновении правовых норм в архаическом Риме и Л. Поппе о долговом вопросе в V—IV вв. до н. э.³

Книга Капогресси-Колоньези состоит из четырех историографических глав и трех глав, посвященных точкам зрения самого автора на *ager publicus*, *gentes* и *clientes*, паг и аграрную общину, на собственность в архаическом Риме.

Автор констатирует существование *ager publicus*, составлявшего основу экономического могущества патрицианских родов еще в царском Риме, хотя за пользование *ager publicus* велась борьба: плебеи, если не по закону, то фактически были отстранены от него и стали требовать раздела его на переданные в частную собственность участки. Только с принятием законов Лициния — Секстия, ограничивавших право оккупации патрициями общественной земли, плебеи получили к ней доступ и изменили свое к ней отношение. Возможно, что вначале одни патриции были заинтересованы в *ager publicus*, так как только они были организованы в роды, достаточно мощные для обработки больших земельных площадей, тогда как плебеи были организованы в *familiae proprii iuris*, более соответствовавшие квинтскому праву на земельные наделы. Законы Лициния — Секстия имели в виду наделение землей *patres familias*, противопоставляя их как индивидов коллективному использованию *ager publicus* гентильными организациями, что фактически уравнивало патрициев и плебеев. Территория рода не делилась между фамилиями,¹ ею пользовались и подчиненные «отцу рода» (*pater gentis*) клиенты. Это отличало коллективное владение родов от собственности глав фамилий, укрепившейся с 367 г. до н. э., но формировавшейся уже раньше в связи с внутривидовой дифференциацией между отдельными *patres*, из которых одни богатели и входили в сенат, другие — нет. В разном имущественном положении оказывались и отдельные роды: одни имели больше земли, другие меньше.

Законы Лициния — Секстия изменили весь характер присвоения земли: и главы фамилий, и клиенты стали получать землю не от рода, а от *civitas*, что послужило исходным пунктом формирования доминия по квинтскому праву. О земле рода *ager gentilicis* точно ничего не известно: владел ли ею род коллективно, или внутри него существовало частное присвоение, а сам род был лишь политической организацией. Возможно, положение эволюционировало с переходом клиентов из-под власти главы рода под власть главы фамилии. Гентильное владение землей было несовместимо с *civitas*, основанной на собственности *patres familias* и на *ager publicus*. Плебеи, не входившие в *gentes*, не могли пользоваться и их землей. Под давлением плебса *ager gentilicis* стал в V в. рассматриваться как *ager publicus*, принадлежащий *civitas* и несправедливо захваченный патрициями, тогда как *civitas* не должна допускать господства отдельных групп над частями ее территории. Плебеи требовали ассигнации им земли и законы Лициния — Секстия были их победой, поскольку уничтожали власть главы рода и

¹ *Capogrossi Colognesi L. La terra in Roma antica. Forme de proprietaria e rapporti produttivi. I. Eta arcaica. Roma, 1981.*

² *Legge e società nella repubblica Romana. A cura di F. Serao. Napoli, 1981.*

³ *Orestano R. I fatti di normazione nell'esperienza romana arcaica. Torino, 1967; Poppe L. Studi sull'esecuzione personale. Debiti e debitori nei due primi secoli della repubblica Romana. Milano, 1981.*

раздробляли род. Но, устанавливая высокую норму оккупации, они давали возможность наиболее многолюдным родам сохранить за собою большую часть их территории, хотя и разделенную между главами фамилий. При господстве индивидуальной собственности сохранялись и общинные формы пользования землей внутри рода и большой семьи, что отразилось и в религии, и в противопоставлении маленьких общин *montani* и *pagani*. Паг и село были древнейшими италийскими организациями, сохранившимися и при романизации. В зависимости от ее стадии различались и общинные организации пагов. Следов общности пахотной земли не видно, но леса и пастбища были общими. Романизация вела к преобладанию частной собственности в пагах, но они сохраняли свое организационное и культовое единство, общий *ager comparscus*, возможно, доживший до раннего средневековья, так как при мелких наделах он был необходим.

В долгом споре о характере власти *pater familias* автор примыкает к тем, кто считает, что его власть над всеми компонентами фамилии была единой, но конкретные приложения его прав были различны, например, *patria potestas* была отлична от доминия над рабами, не отличавшегося от *proprietas*. Термин «доминий» появляется позже, но сущность его не изменилась. В те времена требовалась скорее гарантия стабильности собственности, а не ее отчуждения. Как и у других примитивных народов, община в архаическом Риме ограничивала собственность, стремясь, вместе с тем, создать автономному собственнику наилучшие условия для обработки земли. Патриархальный характер собственности наиболее ярко проявлялся в сходстве власти над детьми и над рабами, чье положение определялось многообразием форм зависимости клиентов, кабальных и т. п. Показательно, что тогда владелец раба именовался *ergus*, владелец имущества — *dominus*. Когда так же стал именоваться и господин раба, это знаменовало превращение раба в *res*. Соответственно на рубеже III—II вв. до н. э. более ясным становится понятие собственности, выделяется понятие *possessio* как фактического владения, противопоставленного праву на него. Формируется представление о разных категориях владения в провинциях: *proprietas iure peregrino*, *ager privatus vectigalisque*, а также о правах на чужое имущество. Власть отца разделяется на разные элементы. С введением — при Августе — понятия доминия достигается высший уровень абстракции.

Р. Орестано начинает свою книгу с констатации принадлежности архаического римского права к некоей италийской «койне», поскольку Рим возник в то время, когда в старом Лацио было 60 поселений — *oppida*, а сам Рим образовался из объединения сел и пагов вершин Палатинца, Эсквилина, Целия и Квиринала (*Septimontium*) для защиты от этрусков. Основанию римской *civitas* предшествовали роды и фамилии, о происхождении и сущности которых имеются разные теории. О первоначальной автономии родов свидетельствует их связь с трибами, куриями, куриатными комициями. Они, возможно, были политическими организациями до конституирования *civitas*, но не внутри ее. Против этого говорит равноправие *pater* и *filius* в отношениях с *civitas*. Нормы, сложившиеся внутри родов и фамилий могли повлиять на общие нормы *civitas*, но не противостояли им. Куриатные комиции, представлявшие *civitas*, регулировали жизнь меньших групп и нормы последних были действительны, если только не противоречили общим. Римлянам тех времен было чуждо подобное нашему понятие государства и для них характерна нерасчлененность, взаимопроникновение социальной и юридической структур, подчинявшихся военной организации, имевшей в меньших группах свои компоненты, детерминанты. Отсюда значение царя как военного вождя, независимость перед лицом общины: сына от отца, клиентов от *gentiles*, связь между военными обязанностями и политическими правами, значение триб, курий, родов, как единиц для военного набора. Основой власти царя, как и главы фамилии, Орестано считает *manus*, понятие, связанное с магией, с представлением о способности человека наложением руки, имевшим определенное религиозное значение, создать или изменить определенную ситуацию в окружающем мире. Такая власть не нуждалась во внешнем узаконении.

В споре о характере царской власти — *regnum* — Орестано примыкает к тем, кто не считал ее магистратурой. Власть царя основывалась на силе, на «харизме», на согласии богов и была неразрывно связана с его способностью постановлять, упорядочивать. «Царские законы» Орестано считает позднейшей конструкцией. Нормы складывались постепенно, в ходе регулирования жизни и взаимоотношений меньших групп как

элементов общего порядка, подавления действий, вредных общине, решения конфликтов между лицами и группами. Постепенно нормативные факты типизировались, взаимосвязывались. Первоначально, пишет Орестано, *fas* и *ius*, право и религия, не были разделены. Различия между *ius humanum* и *ius divinum* появилось только в последнем веке республики. В архаическое время они были аспектами одного и того же социального опыта. Термин *ius* восходит к индоевропейскому корню, связанному с понятием *salus* и с понятием очищения. Он вошел и в имя Юпитера, на камне которого (*Iuppiter lapis*) приносили клятву. *Fas* восходит к корням, означающим «говорить», «являть», т. е. проявление воли божества. *Fas* и *ius* обычно сочетаются с *est*: *ius est* — *ius non est*. Это нормативы поведения, а не абстрактные системы. Для римской религии характерно отсутствие понятия раз навсегда данного в божественном откровении установления. Нормы поведения определялись для каждого данного момента, в зависимости от одобрения богами того или иного акта, поданными ими знаками своей воли. Право понтификов *ius sacrogiu* состояло не из общих критериев, а из множества конкретных предписаний о поведении лиц и групп, перешедших затем в право. Поэтому цари были авгурами (термин *augurium* непосредственно связан с *auctoritas*) и их «харизма» состояла в способности толковать волю богов, что играло огромную роль у всех италийских племен.

Орестано далее останавливается на дискуссии об обычном праве (каковым было архаическое право Рима) и формировании обычая — *consuetudo*. С его точки зрения, обычай формировался на основе коллективной оценки, социального контроля над всей общественной жизнью, включавшей и религиозную практику родов и фамилий. Обычай мелких групп включался в обычай общины, если были ей полезны (например, власть отца как одна из организующих структур). Но в соответствии с потребностями жизни гражданского коллектива возникали и новые *consuetudines*, обозначавшиеся как *mores maiorum*, *mores civitatis*. В той же связи стояла и деятельность царя как регулятора жизни общины, способного толковать волю богов. Он был *iudex atque arbiter reru* *divinaru* *humanarumque*. В каждом случае к нему обращались за решением, отсюда — *ius petere*. Он его давал, отсюда — *ius dicere*. Решения давались в форме *fas est*, *ius est*, причем это могло быть не только дозволением, но и долгом. Так возникали определенные нормы. Ввиду религиозного характера права из него исключались те, кто не имели доступа к культам *civitas*, и *ius* было *ius civile*. Так как право не считалось результатом откровения богов, нормы были подвижны, под требованиями реальных ситуаций возникали новые, к ним применявшиеся. Другим нормативным фактором были законы — *leges*. Обычные термины *legem dicere*, *legem dare* и т. п. указывают на словесное провозглашение регламентации, имеющей связующую власть (*lex* от *legare* — связывать). *Lex* мог быть дан как частным лицом по поводу его частных дел, так и лицом, облеченным общественной властью, или то могли быть *leges publicae* как результат согласия народа с предложением магистрата. Архаическая вера в магическую, творческую силу слова (что отразилось в тождестве формул с *manu capere* = *manu scribere* и с *verbis* или *comine capere* отсюда *nuncupare*) придавала особую важность процедуре *legem dicere* — торжественному провозглашению формулы, имевшей связующую силу для вещи, лица, отношения. Силу законам давало именно провозглашение их перед народом. В царское время народные собрания еще не играли активной роли. Возможно, лишь постепенно куриатные комиции стали не просто слушать провозглашение законов царем, а выражать свое одобрение.

После изгнания царей началась борьба входившими в родовые группы патрициями и не принадлежавшими к ним плебеями, создавшими свою организацию внутри *civitas*. То была борьба не только между сословиями или классами, но и между юридическими установлениями и она окончилась установлением единого для всех юридического порядка. Первой революционной победой плебса были связанные с особым положением народных трибунов *leges sacratae* 494 и 492 гг. до н. э., от которых берут свое начало *leges publicae*.

Специально взаимосвязи законодательства с борьбой патрициев и плебеев в V—IV вв. посвящен сборник статей под редакцией Ф. Серао. Во введении «Классовая борьба и законодательство популяров в V—IV вв. до н. э.» Ф. Серао пишет, что авторы ставили себе целью исследовать более или менее революционные законы плебса и его соглашения с сенатом, имевшие результатом формирование понятия *lex*

как *iustum populi aut plebis*, рассмотреть законы как часть исторического процесса в их связи с классовой борьбой, особенно — с борьбой за *ager publicus*. Как и Р. Орестано, Ф. Серао считает, что власть народных трибунов и *leges sacratae* имели революционное происхождение и положили начало дальнейшим революционным движениям плебса, отразившимся и в ряде последующих законов и в борьбе вокруг них. На ее ход влиял экономический кризис V в. до н. э., экономическая дифференциация плебса, становление новых классов и групп, отсутствие стабильных конституционных форм, возникавших от случая к случаю в ходе классовой борьбы и либо закреплявшихся, либо исчезающих, так что развитие, хотя и шло в определенном направлении, но колебалось между прогрессом и регрессом.

Сборник открывается статьей Д. Капонелли об аграрной рогации Спурия Кассия от 486 г. (с. 1—50): Автор приводит свои соображения в пользу историчности этого события и достоверности рассказа о нем у Дионисия Галикарнасского, поскольку этот рассказ наиболее соответствует тогдашнему положению в Риме: внешние войны, классовая борьба, конфликты между господствующими группами, монархические настроения плебса, усиленные недостаточностью продовольствия. Ликвидировать внешние и внутренние конфликты, найти союзников в Лации и умиротворить плебс попытался Сп. Кассий, пользовавшийся особым авторитетом как дважды триумфатор. Его программа — наделить землей племя герников, а также плебеов — вызвала раскол и среди патрициев, и среди плебеов. Его рогации 486 г. до н. э. сенат воспротивился, использовав настроения части плебса, не желавшей, чтобы землю получили герники. Рогации Сп. Кассия сенатом был противопоставлен закон о наделении землей римского плебса. Закон этот не был выполнен, но послужил основой последующих требований плебса разделить *ager publicus*.

Статья Ф. Серао, посвященная борьбе за землю с 485 по 441 гг. до н. э. (с. 51—180), основывается на подробном анализе данных Ливия и Дионисия и доказательствах их достоверности. После гибели Сп. Кассия плебс под руководством народных трибунов продолжал требовать принятого сенатом закона. В ходе этой борьбы выборы народных трибунов, ранее производившиеся в неоформленных собраниях плебса, стали с 471 г. до н. э. происходить на трибутных комициях, создавался *concilium plebis tributim*. В 474 г. до н. э. состоялся процесс по обвинению консулов в оскорблении плебса. Это было революционным актом: консулов судило собрание плебеов, что не было предусмотрено конституцией *civitas*, а основывалось на соответствующем толковании *leges sacratae*. Так в ходе борьбы менялась конституция и утверждалась идеология, видевшая в *leges sacratae* революционное орудие борьбы за утверждение роли плебса в государстве. Однако силы плебса ослаблялись его стратификацией, разделением на бедноту, желавшую получить землю, и богатых плебеов, добивавшихся доступа к магистратурам и уравнивания в правах, хотя и те и другие принадлежали к одному классу. Плебс не решался на меры, могущие привести к гражданской войне, а старался давить на сенат, чтобы он согласился на раздел земли. То была, по мнению Ф. Серао, борьба класса, лишённого земельных владений и власти, против класса, имевшего и то и другое. Ее еще нельзя назвать борьбой за аграрные законы, так как плебисциты тогда еще не имели силы закона, и плебеи добивались сенатусконсульта о наделении их землей. Все это, так же как и меры, к которым прибегали народные трибуны (препятствия воинскому набору и обвинения магистратов в нарушении *leges sacratae*), показывает отличие ситуации V в. до н. э. от ситуации времен Гракхов и подтверждает, что сведения источников о событиях V в. не могли быть выдуманы при Гракхах, а соответствуют действительности. Экономический кризис, во время которого единственным источником дохода стала земля, нехватка зерна толкали плебс на борьбу за землю и освобождение *pehi*. Народные трибуны из верхушки плебса иногда блокировались с патрициями и выступали против аграрных мероприятий. Другие были лидерами всего класса. Часть патрициев в связи с внешними войнами готова была идти на уступки, но не в аграрном вопросе, а в уравнивании в правах. В 462—452 гг. до н. э. в связи с войной с эквами и сабинами патрициям пришлось согласиться на увеличение числа народных трибунов до 10 и на передачу Авентина, согласно закону Ицилия, плебеям для постройки жилищ, что было первой подлинной победой плебса в борьбе за *ager publicus*. Закон Ицилия предполагал те же санкции, что и *leges sacratae* — кодексы революционной борьбы

плебса: человек, нарушивший закон, подвергался *sacratio capitis et bonorum*. Судя по тому, что в поле глава фамилии обычно получал участок, который мог сам возделывать, на Авентине плебей получал такой участок, который мог застроить сам или с компаньонами на условия коллективного владения. Так возник компактный плебейский квартал, центр религиозной и политической организации плебса. Некоторое время в центре внимания стояли политические требования, новая вспышка борьбы за землю падает на 424 г. до н. э. в связи с вопросом об ассигнации земли побежденных Вей.

Статья К. Вентурины «Плебисцит о штрафах, наложенных на Т. Менения» (с. 181—196) посвящена установлению достоверности данных о привлечении в 476 г. до н. э. народными трибунами к суду консулара Т. Менения Ланата за неокказание помощи Фабиям, погибшим во время их совместного похода у реки Кремеры. Процесс этот, окончившийся наложением на консулара штрафом, имел целью утвердить право вождей плебса контролировать действия магистратов, наделенных империем, что было революционным актом. Он непосредственно связан с признанием законами XII Таблиц права апелляции подсудимого к центуриатным комициям и признанием права народных трибунов налагать штрафы, что предвещало их включение в систему патрицианско-плебейского государства.

Сходный по значению эпизод рассматривается в статье С. Барсаки об эпизоде с землей Кариол в 446 г. до н. э. (с. 197—223): римский народ, будучи призван в качестве арбитра решить спор между Ардеей и Арицией за землю Кариол, объявил ее собственностью римского народа. Однако сенат, желая передать землю Ардее, вывел туда колонию. По мнению автора, вопрос разбирался на трибутных комициях, постановление было вынесено *iussu populi* и принято как *lex*. Это было еще одним шагом на пути становления конституционных норм, формировавшихся в ходе борьбы и компромиссов.

Л. Фачиони в статье «Объявление войны и трибы» (с. 225—254) полемизирует с теми, кто считает, будто исключительное право выносить постановления о войне всегда принадлежало центуриатным комициям. Он доказывает, что трибутные комиции нередко принимали решения по важным вопросам, выбирали военных трибунов с консульской властью и, возможно, могли выносить решения и об объявлении войны. Согласие народа на войну, предложенную сенатом, означало и согласие на воинский набор, которому плебс часто противился, считая, что от войны выигрывают только богатые. Постановление народа об объявлении войны было обычно результатом компромисса с патрициями, и на набор давали согласие после какой-нибудь уступки сената. Логично предположить, что вопрос о войне решали трибы, а не центурии, обязанные военной присягой и повиновением командирам. Вопреки мнению многих, Фрациони считает, что трибутные комиции появились не в IV в. до н. э., а существовали уже в V в. до н. э. и именно они, а не центурии, где преобладали богатые, могли голосовать против войны и набора.

Тот же автор в статье «У истоков законодательства *de ambitu*» (с. 255—279) доказывает, что законы *de ambitu* умножились с кризисом республики, но появились гораздо раньше. Первый из них относится к 432 г. до н. э., когда из патрициев и из плебеев избирались военные трибуны с консульской властью и народные трибуны внесли закон, запрещавший кандидатам из патрициев прибавлять к своей одежде что-нибудь белое, дабы их могли легче заметить зависевшие от них выборщики, на которых они воздействовали просьбами и угрозами. Этот плебисцит — свидетельство сплоченности плебса, желавшего обеспечить ведущие посты своим лидерам. Второй закон — *lex Poetelia de ambitu*, предложенный по инициативе сената в 358 г. до н. э., запрещал кандидатам вести агитацию на рынках и площадях. Изданный вскоре после законов Лициния — Секстия, он указывал, с одной стороны, на блок верхушки плебса с патрициями против *homines novi*, добивавшихся магистратур, а с другой стороны, свидетельствовал о демократизации, поскольку кандидаты, чтобы быть избранными, должны были привлечь избирателей и быть им известны.

В статье А. Сентилли «Аграрные движения с 424 г. до н. э. до взятия Вей» (с. 281—306) показано переплетение борьбы за землю и за доступ к магистратурам. Желавшие быть избранными привлекали плебеев обещаниями земельных раздат. Соответственные предложения были внесены в 421, 420, 417, 415, 412, 410 гг. до н. э., но не были обсуждены, так как патриции добивались «вето» кого-либо из народных трибунов, принадлежавших к верхушке плебса, на законопроекты других трибунов. Однако плебс

все же сумел одержать победу, добившись подушного раздела большей части земли побежденных Вей.

В статье А. Ди Порто «Попытка переворота в Сутри и плебисцит de populo non vocando» (с. 307—384) анализируется сообщение Ливия о попытке консула 357 г. до н. э. Гн. Манлия провести голосованием своих стоявших возле Сутрий солдат закона о 5-процентном налоге на манумиссии. То было санкционированное патрициями новшество, переворот, имевший целью установить прецедент принятия законов стоящим вне Рима войском, обязанным повиноваться командиру. Против него выступили народные трибуны, проводившие плебисцит о казни того, кто созовет для голосования вне Рима часть граждан, сохранявший за народными трибунами контроль над законодательной властью и свободу голосования. Автор считает этот плебисцит *lex sacrata*, так как он карал нарушителей *sacratio capitis*, что, по словам Цицерона, было отличительным признаком *leges sacratae*, которые он ставил в один ряд с законами XII Таблиц. Но плебисцит о Манлии в отличие от *leges sacratae* V в. до н. э. не был революционным актом, орудием революционной борьбы плебса (что сказывалось и в приносимой присяге, и в религиозной санкции этих ранних законов), а был просто законом, уже не имевшим революционного смысла. Заканчивает автор полемику с теми, кто считает, будто в 357 г. до н. э. рабов было еще слишком мало, чтобы имело смысл вводить налог на манумиссии. С его точки зрения, число рабов все время росло за счет войн, и именно это сделало возможным закон 326 г. до н. э., отменявший *nexi*: чтобы освободить *nexi*, надо было иметь возможность заменить их рабами.

Книга Л. Поппе специально посвящена исследованию долгового вопроса в V—IV вв. до н. э., но автор, чрезвычайно детально исследующий, сопоставляющий и критикующий источники, много внимания уделяет также движениям должников в I в. до н. э. Анализируя данные источников того времени, он стремится установить, в какой мере современное им положение в Риме повлияло на интерпретацию событий Ранней республики, главным образом, у Ливия, Дионисия Галикарнасского и Варрона. Привлекает он также для толкования отдельных терминов и отрывки из сочинений Цицерона, Саллюстия, Гаия, Дигест, Авла Геллия.

Во введении Л. Поппе отмечает, что тема о должниках — *addicti* и *nexi* — непосредственно связана с дискуссионной проблемой о «промежуточных между рабством и свободой» формах зависимости, а это предполагает ответ на вопрос, исчезли ли *addicti* после закона Петелия Папирия от 326 г. до н. э. и были ли *addicti* близки к рабам? Чтобы дать ответ на эти вопросы, необходимо проанализировать каждое упоминание *addicti* и *nexi* в источниках.

Начинает он с сопоставления версий Дионисия Галикарнасского и Тита Ливия. У первого упоминание о тяжелом положении должников уже содержится в речи Сервия Туллия, посвященной борьбе плебеев за землю. По мнению Л. Поппе, это — легенда, приведенная Дионисием для доказательства сходства положения в Риме VI в. до н. э. с положением в Афинах времен Солона. Упоминает он должников и под 498 г. до н. э. У Ливия, хотя он пользовался теми же анналистами, что и Дионисий, долговой вопрос играет гораздо меньшую роль и в основном только в событиях IV в. до н. э. Автор приписывает это тому обстоятельству, что основным источником Ливия был Лициний Макр, для которого основополагающую роль играло понятие *Concordia*, но не в экономическом, а в политическом плане, тогда как Дионисий опирался на Валерия Анциата, представлявшего М. Валерия главным инициатором умиротворения плебеев после Первой сецессии, освободившим их, между прочим, и от долгов, что, по мнению Л. Поппе, не соответствует действительности, так как он считает эту сецессию чисто политическим движением, окончившимся установлением народного трибуната. Ливий также отводит важную роль *Concordia*, начиная с посвящения ей храма в 304 г. до н. э. Но для него это не *Concordia ordinum*, поскольку плебс *ordo* не считался, а союз людей доброй воли, добродетель отдельных граждан, возможность продвижения наиболее достойных. Аристократы и демократы в I в. до н. э. по-разному толковали понятие *Concordia*: как *Concordia ordinum*, имевшее политическое значение, или как *Concordia civium*, включавшее экономическое умиротворение. Первые видели основоположника *Concordia* в Менении Агриппе, вторые — в М. Валерии. Ливий предпочитал первую версию, Дионисий, в своем стремлении сблизить римскую и греческую историю, — вторую, видя в долговой проблеме одну из основных линий римской истории.

Автор возражает исследователям, видевшим в появлении *nexi* и *addicti* результат экономического кризиса, начавшегося сразу после падения монархии. Кризис, с его точки зрения, начинается на несколько десятилетий позже. В начале V в. до н. э. городской плебс был еще достаточно богат, чтобы соорудить храмы Цереры и Меркурия. В долги впадали в основном крестьяне, страдавшие от войн, неурожая и трибута. Они-то и были главными участниками Первой сецессии и основным для них был аграрный вопрос и учреждение трибуната. Уже при Тарквиниях в связи с развитием торговли существовал всеобщий эквивалент стоимости — *aes rudum* — наряду с этрусской и греческой монетой. С натурализацией хозяйства в середине V в. до н. э. господствующим стал натуральный обмен и займы натурой. В IV в. снова появляется *aes rudum*, а затем чеканная монета. И именно тогда обостряется вопрос о процентах на долги и о должниках, вопрос, ставший особенно актуальным после галльского нашествия и вызванного им разорения. Тогда растет число *addicti* (хотя возможно, что этот термин был взят Ливием из современной ему действительности), но вряд ли они составляли основную рабочую силу, как думают некоторые. *Addictio, venditio honorum, cessio honorum* были хорошо известны Ливию и Дионисию. Смысл *nexum* они понимали плохо и толковали его по аналогии с *addictio*. Возможно, что *nexum* был самой древней практикой, затем появилось *manus iniectio iudicati*, т. е. присуждение должника кредитору. Возможно также, что упоминаемая Авлом Геллием казнь должника была сакральной мерой по типу *sacer esto* за нарушение *fides* и ведавшего ею божества, поскольку договор между должником и кредитором — *sponsio* — основывался на *fides* и присяге *iusiurandum*. Может быть, рассечение тела должника, липавшее его должного погребения, было дополнительным наказанием за нарушение *fides*. Такая мера была возможна лишь в очень примитивном обществе, ибо в более развитом уже появляется суд. Законы XII Таблиц, включив кое-что из этого архаического фонда, отражали переходный период: предполагалось наличие суда, казнь смягчалась продажей за Тибр, в которой сочетались: кара — потеря свободы, освобождение города от человека, вина которого носила сакральный характер, и экономический аспект — возмещение долга суммой, полученной за продажу должника. Аналогией тому служит продажа *fur manifestus*, бывшего на положении *adiudicatus*, а также выданного за вину (*noxae deditus*) сына. Однако данная *pater familias* магистратом власть над *adiudicatus* была не полной, так как последний сохранял правоспособность. Впоследствии продажа за Тибр была заменена преследованием должника в доме кредитора, что соответствовало экономическим интересам последнего.

В IV в. до н. э. долговой вопрос приобрел капитальное значение, но народные трибуны, выходявшие из богатых плебеев, добивавшихся доступа к магистратурам, мало его касались и лишь в качестве демагогического приема, чтобы заручиться поддержкой бедноты. Правда, против *addictio* восставало общественное мнение, уже тогда отрицавшее возможность пожизненного порабощения гражданина. Спорен вопрос, мог ли аддикт освободиться, расплатившись за долг своим трудом? На основании имевшихся данных он решен быть не может, хотя допустимо предположить, что между сторонами заключалось соответственное соглашение. Но на содействие магистрата он рассчитывать не мог. Чтобы освободить должника за отработки, надо было оценить стоимость его труда и содержания, что вряд ли было возможно.

Переходя к закону Петелия от 326 г. и рассматривая данные об аддиктах после этой даты, автор старается выяснить разницу между *addicti* и *nexi*. Последние, по его мнению, были связаны с кредитором узами *fides*, так как *fides* и *iusiurandum* играли главную роль в контрактах, заключенных без свидетелей. Отсюда исключительное значение культа *Fides* и *Dius Fidius*. Кредитор мог простить долг (что рассматривалось как благодеяние) или не простить, но их отношения всегда оставались частными, без вмешательства магистрата. Закон Петелия имел в виду именно *nexi*, хотя неясно, были ли они освобождены от долгов, или от оков, в которых их мог держать кредитор. По Варрону *nexum* — рабство у кредитора, но неясно, был ли *nexum* равнозначен *mancipium*, *mancipatio* или нет. Возможно, первоначально *nexum* основывался на добровольном согласии должника поступить под власть кредитора, если не сможет расплатиться; затем *nexum* стал сразу сопровождать заем так, что должник немедленно начинал работать на кредитора. С 385 г. до н. э. была введена более тяжелая процедура для аддиктов, которых кредитору стал уже присуждать магистрат. Закон Петелия аддиктов не

касался, а относился только к *пехи*, получившим право уступить кредитору свое имущество и сохранить свободу. В I в. до н. э. того же требовали и аддикты, с чем связан принятый Цезарем или Августом закон о *cessio honorum*. Закон Петелия, который должен быть понят в общем контексте тогдашних изменений во всех сферах жизни, имел тот смысл, что уничтожал практику добровольного подчинения гражданина гражданину и отдавал *addictio* под контроль *civitas* и ее представителя — магистрата.

К рассмотренным работам близко примыкает охватывающая более широкий хронологический период книга Ф. Серао «Классы, партии и законы в Римской республике»⁴.

Ф. Серао начинает свою книгу с выяснения этимологии и различных значений слова *lex* и его отличия от других источников права: *mores*, *consuetudo*, *interpretatio prudentium*, откуда и произошло противопоставление *lex* и *ius*. *Mores* господствовали в архаическую эпоху с ее гентильной организацией. С формированием *civitas* и *populus*, в который влились не принадлежавшие к родам группы, цари стали создавать соответствовавшие новым отношениям нормы — *ius dicere*. Так рождалось право *civitas*. Но, независимо от решения спорного вопроса о существовании царских законов, они не были единственным источником права. Первым вкладом народа, в этом смысле, были *leges curiatae de imperio*, т. е. об утверждении власти царя, главы *civitas*, признанного народом. Значение законов как выражения воли народа, как революционных актов укрепляется в период от 510 до 286 гг. до н. э. История *lex publica* сливается с историей плебейской революции. С падением монархии, с углублением экономического кризиса возникают классы владевших всей землей патрициев и отстраненных от земли плебеев, включавших в свой состав несколько богатых семей, а в основном наемных работников и разорившихся от кризиса мелких торговцев и ремесленников. *Civitas* стала патрицианским классовым государством, где патриции консервировали старые гентильные *mores* и создавали новое право через коллегия понтификов. Плебс же требовал создания определенного права. Его первым революционным завоеванием были *leges sacrae*, уже претендовавшие на всеобщность. Дальнейшим шагом на пути к равноправию обоих классов были законы XII Таблиц. Праву — *ius*, интерпретировавшемуся *patres*, противопоставлялись законы — *leges*, созданные революционным плебсом и рассматривавшиеся как *fons omnis publici privatique iuris*. Они включали и кое-что из *leges sacrae*, например, запрещение личных привилегий, право апелляции к народу, а также положение о законодательной власти народа: *ut quodcumque populus postremum iussit, id ius ratumque esset*.

Последующие законы также были результатом побед плебса или его компромиссов с сенатом и противопоставлялись *consuetudines*. Признание за плебситами силы закона знаменовало становление патрицианско-плебейского государства, экономической основой которого было крупное земледелие, рабство, развитие ремесла и торговли. Сформировались новые классы: нобили, дельцы-всадники, средние и мелкие собственники, наемные работники, люмпен-пролетариат. Закон в области публичного права остается орудием борьбы нового низшего класса, но в целом право развивал нобилитет, так как сенатусконсулты имели нормативный характер. Однако они не были законами, каковыми могли быть лишь распоряжения народа или плебса. При империи волю народа представлял принцепс с его трибунской властью. Его постановления Гай называл «вице-законами».

В некоторых принятых народом законах и плебситах непосредственно отражались суверенная власть народа и его требования: в законах, относившихся к народным собраниям, процедуре голосования, магистратам, жрецам, судьям, гражданству, коллегиям, войску, колониям, провинциям, в законах аграрных, хлебных; их предлагали лидеры демократических движений. Другие не носили явно политического характера, как законы об отдельных магистратурах, распределении провинций, триумфах и овациях, монете, *crimen maiestatis*, *lex de vi*, *leges sumptuariae* и т. п. Эти законы зависели от конкретной ситуации, и в каждом отдельном случае следует решать, отвечали ли они интересам демократии или олигархии. Но так как законы были основным орудием демократии, среди них преобладали плебсциты: с 339 по 27 гг. до н. э. из 564 рогаций 286 были плебсцитами, 164 приняты комициями, об остальных точных

⁴ Serrao F. *Classi, partiti e legge nella repubblica Romana*. Pisa, 1974.

сведений нет. Число плебисцитов возрастало в периоды обострений демократических движений. Чтобы обеспечить их действенность, требовалась присяга от сената и магистратов; иногда за несоблюдение законов судьи налагали штраф. Сенат противопоставлял законам обычаи и право. У поздних юристов (например у Папиниана) закон уже рассматривается как орудие борьбы с преступлениями, а не как выражение воли народа. Ф. Серао возражает Моммзену и его последователям, которые, исходя из идеи дуализма патрициев и плебеев, сената и народа, видели в законах плод договора народа с предложившими закон магистратами. По его мнению, плебисциты предлагали народные трибуны, не представлявшие патрициев и сенат, а магистраты были не контрагентами народа, а органами, содействие которых было необходимо, чтобы народ выразил свою волю. *Lex* как выражение воли народа был антитезой *ius* (хотя и входил в него), а потому играл роль лишь в публичном праве, утверждая значение низших классов, тогда как частное право разрабатывалось в интересах высших классов.

Переходя к проблеме римских партий, Ф. Серао пишет, что до IV в. до н. э. политическая борьба совпадала с классовой борьбой патрициев и плебеев. Позднее политическая борьба соответствовала новой классовой структуре общества, причем каждый класс состоял из разных групп и слоев. Особенно многослоен стал к середине II в. до н. э. плебс. Вмешательство в его борьбу италиков, а затем «пролетарской» армии особенно обострило положение. Рассматривая его, следует избегать как модернизации, так и чисто просопографического подхода, на основании которого делается вывод, будто все события того времени определялись личными связями и борьбой за власть среди нобилитета. Конечно, личные связи играли роль, но нельзя игнорировать борьбу классов как доминирующий фактор. Рим не знал партий в современном смысле слова, не знал больших политических движений, четко выражавших интересы классов. Но сами римляне (например, Саллюстий, Цезарь) различали представителей нобилитета, оптиматов и оппозиционных им представителей народа, популяров. Оба эти термина связаны с политическими движениями и историей законодательства. Нобилитет был гораздо более сплоченным классом, чем народ. Основой идеологии нобилитета были *dignitas*, *ex dignitate honor*, *ex honore imperium*, *ex imperio libertas*. *Libertas* стала рассматриваться как привилегия касты, имевшей *dignitas*, несовместимая со свободой и равенством перед законом для всех. *Concordia ordinum* включала лишь нобилитет и всадников. Практическая программа сводилась к сосредоточению власти в руках сената и магистратов, ограничению народных собраний и инициативы народных трибунов, ограничению гражданства, консервации латифундий и эксплуатации провинций и рабов. Организация нобилитета основывалась на связях *clientes* и *amicitia*, предвыборных соглашений, использовании религии.

У народа, по мнению Ф. Серао, было свое классовое самосознание, несмотря на то, что его лидеры часто выходили из знати, так как важно не происхождение людей, а их действия. Предлагавшиеся меры по разделу земли, демократизации, контролю над управлением провинциями соответствовали интересам масс, не сумевших, однако, превратить олигархию в демократию, что и обусловило власть политических лидеров. Организацией и силой популяров были *concilium plebis* и его законодательная деятельность, коллегии, противостоявшие клиентским связям нобилей. *Libertas* толковалась как освобождение от *dominatio patrum*, *potentia*, *superbia*, *lubido*, установление свободных гражданских и политических отношений. Эта концепция связывалась с требованием экономических реформ (аграрные и хлебные законы), *aequum ius*, *aequitas* как частью *libertas*. В пике магистратам нобилитета демократия поддерживала экстраординарные магистратуры. Слабостью популяров была поддержка империалистической политики и равнодушие к проблеме рабства. Больше всего для характеристики популяров может дать анализ законодательной деятельности *concilium plebis*. Такой анализ подтверждает наличие широкого демократического движения и его общую классовую направленность. Особо автор выделяет *leges repentinae* как орудие всадников и демократии, поскольку рассматривавшие дела по нарушению этих законов суды были единственным органом контроля за магистратами и защиты провинций.

Как мы видим, книга Ф. Серао и работы, посвященные архаическому Риму, содержат много свежих, важных и интересно аргументированных положений и мыслей.

Можно, однако, высказать сомнения по некоторым вопросам и прежде всего по вопросу о патрициях и плебеях. Р. Орестано полагает, что привлечение сравнительного материала мешает изучить специфику того или иного общества и ведет к созданию неких слишком общих теорий (с. 54). Но все же трудно признать закономерным полный отказ от сравнения между стадильно близкими обществами, особенно на этапе разложения первобытнообщинного строя, когда сходство между шедшими у разных народов процессами было гораздо большим, чем на последующих этапах развития. И если стать на такую точку зрения, то становится непонятно, почему все еще идет дискуссия о происхождении плебса, обусловившем особенности его организации и конфликты с патрициями. Ведь почему-то никто не задается вопросом, откуда взялся афинский демос, также борющийся за свои права, или известный по свидетельству Цезаря простой народ в Галлии, бывший почти на положении рабов у «всадников», или та же галльская клиентела. Выделение знати и подчинение ей в той или иной форме, в той или иной мере народа — общераспространенный факт во всех стоящих на аналогичной стадии обществах, изучаемых историей и этнографией. Так что для изучения аналогичного процесса в архаическом Риме нет никакой необходимости предполагать, что плебеи были пришлым элементом или что они не имели родовой организации. Что касается *pater* или *princeps gentis*, то он не упоминается ни в каких источниках, почему само его существование сомнительно. В этой связи стоит упомянуть исследование о плебсе Ж.-К. Ришара⁵, где весьма убедительными представляются выводы, сформулированные им в «Заключении» (с. 589—600): до какого-то времени существовало единое, единообразно организованное римское общество, из среды которого в результате длительного процесса выделилась знать, патриции, приобретавшие все большую роль в политической (как члены сената и участники *interregnum* и выборов царя) и в религиозной (как жрецы) жизни, но окончательно конституировавшиеся в особое сословие лишь после изгнания царей. Плебеи, также полностью осознавшие свое единство лишь в V в. до н. э., были не чужаками, не людьми, не имевшими рода, а теми, кто не принадлежал к патрициям, узурпировавшим в Ранней Республике все командные должности и поставившим в тяжелое положение всех, к ним не принадлежавших. Патрициат, говорит Ж.-К. Ришар, возник ранее плебса и, надо полагать, так же было в иных сходных обществах.

Непосредственно с этим моментом соприкасается вопрос, были патриции и плебеи сложившимися классами и можно ли считать борьбу между ними классовой борьбой, или то была борьба между сословиями? Вопрос, конечно, спорен, но, думается, что как ни мало, в общем, известно об экономическом положении патрициев и плебеев, все же можно констатировать отсутствие данных, позволяющих полагать, что тогдашние отношения собственности давали возможность патрициям эксплуатировать не отдельных (хотя бы и многочисленных) плебеев, становившихся клиентами, кабальными, рабами, а плебс как класс, в результате различного отношения тех и других к средствам производства. Соображение о недопущении плебеев к *ager gentilicis* не очень убедительно, поскольку в источниках *ager gentilicis* не упоминается, а отсутствие у плебеев *gentes* не доказано. Не доказано и отстранение плебеев от оккупации *ager publicus*. Напротив, исконное римское представление, что источником всякого владения (а не только патрицианского) была обработка впервые возделанной оккупированной земли, как и правило, согласно которому каждый мог занять такой участок, какой мог возделывать сам, говорят против как-либо оформленного отстранения плебеев от оккупации. И среди патрициев, и среди плебеев могли быть лица, владевшие большими или маленькими участками, но ни у историков, ни в законах XII Таблиц до нас не дошло никаких упоминаний о различии в правах на такие участки или на иное имущество глав патрицианских и плебейских фамилий. Когда именно патриции и плебеи оформились как сословия, конечно, трудно сказать, поскольку соответственный процесс был длителен, но к V в. до н. э. он уже несомненно завершился. Можно полагать, что если бы плебеи не одержали победы в борьбе с патрициями, те и другие могли бы превратиться в классы-сословия аристократов-землевладельцев и эксплуатируемых, более или менее зависимых земледельцев — клиентов, колонов, прекаристов, кабальных и т. п., как то имело место во многих иных древних обществах.

⁵ Richard J. C. Les origines de la plèbe romaine. Essai sur la formation du dualisme patricio-plebeien. Rome, 1978.

Но победа плебса (как и греческого демоса) прервала такой достаточно типичный ход развития, и классовое общество в Риме обрело совсем иную структуру. Борьба между плебеями и патрициями скорее может быть охарактеризована не как классовая, а как борьба между только начинавшими формироваться, но так и не сформировавшимися классами-сословиями. Она, видимо, началась при этрусских царях Рима (которых многие исследователи сопоставляют с современными им тиранами Сицилии и Великой Греции), когда плебс получил ряд преимуществ, обострилась в первые века республики, когда перевес перешел к патрициям, и закончилась на рубеже I и III вв. до н. э. становлением классической *civitas* с новыми классами, новыми сословиями и новыми их отношениями.

Последний момент — это вопрос о пагах и селах, оттесненных в рассматривавшихся работах на задний план исключительным вниманием к гентильной организации. Между тем, видимо, общины сел и пагов с переплетением кровнородственных и соседских отношений играли не меньшую, а возможно, и большую роль, чем гентильные организации не только на территории Италии, но и на территории Рима. Недаром именно царю-народолюбцу Сервию Туллию приписывалось регулирование внутренней жизни пагов и учреждение паганалий. И недаром новобрачная, принеся соответственную жертву, поступала под покровительство фамильного Лара мужа и Компитальных Ларов той соседской общины, к которой он принадлежал. И не случайно культ фамильных и соседских Ларов играл гораздо большую роль, чем гентильные культы, наличие которых некоторые историки римской религии вообще отрицают. Скорее всего аграрные отношения складывались и развивались внутри не гентильных, а именно соседских общин, как то было столь убедительно показано в книге Э. Серени «Сельская община в древней Италии».

Ко второй группе исследований относятся книги: О. Дильберто об *auctorati*⁶, М. Р. Чиммо о компаниях публиканов⁷, Дж. Джильберти о квазиколонах⁸, А. Монтелло о понятиях «благодейния раба» и «естественный долг»⁹ и В. Скарано Узани о юриспруденции в эпоху от Нервы до Адриана¹⁰.

Книга М. Р. Чиммо рассматривает организацию и деятельность компаний публиканов при республике и при империи. Полемизируя с К. Николе, автор доказывает, что крупными дельцами были именно всадники. Еще до II Пунической войны они оказывали давление на правительство, толкая его на путь империалистической политики. Уже в 215 г. до н. э. 19 граждан взяли подряд на содержание войска в Испании, и то был не первый аналогичный контракт. Еще в V и IV вв. до н. э. известны, возможно, бравшиеся богатыми плебеями, подряды на производство общественных работ, в первую очередь строительство храмов. В III и последующих веках число таких подрядов растет. Другим источником дохода был откуп налога на пастбища (*scriptura*), взимавшийся в соответствии с числом голов скота при перегоне его с зимних пастбищ на летние. На откуп брались пошлины (со 199 гг. до н. э.), налоги за пользование лесами, озерами, разработку рудников, также сдававшиеся публиканам. Арендовали они и солеварни. Но главным источником их дохода был откуп налогов с провинций. Публиканами считались все, заключавшие какие-либо контракты с государством. По мнению автора, Полибий, говоря, что в компаниях публиканов заинтересован «весь народ», имел в виду всадников. Манцепс образовывал компанию — *societas*, а затем заключал с государством контракт. Заключавший контракт магистрат знал имена всех *socii*, которые могли быть также поручителями — *praedes* — манцепса, заключая с ним договор. Большую роль в компаниях играли магистры, упоминавшиеся в надписях компаний как эпонимы. Они хранили счетные книги и архивы, собирали налоги, созывали собрания компаньонов. Их помощники, промагистры, заключали договоры с провинциалами, в случае конфликтов обращались к наместнику. Иногда компании публиканов играли роль банков, хранили средства государства, выплачивая проценты. На

⁶ *Dilberto O. Ricerche sull' «auctoramentum» e sulla condizione degli «auctorati».* Milano, 1981.

⁷ *Chimmo M. P. Ricerche sulla società di publicani.* Milano, 1981.

⁸ *Gilberti G. Servus quasi colonus.* Napoli, 1981.

⁹ *Montello A. «Beneficium servile» — «debitum naturale».* Milano, 1979.

¹⁰ *Scarano Usani V. Valori e storia nella cultura giuridica fra Nerva e Adriano: studi su Nerazio è Celso.* Napoli, 1979.

их службе состоял большой персонал из свободных и рабов. Доли на участие в компании — *partes* — не продавались, но их могли дать какому-либо лицу, не становившемуся *socius*. Такие *partes* могли иметь сенаторы, лишенные права быть публиканами. Не известно, обладали ли эти компании уже при республике статусом юридического лица, или получили его только в I в. н. э.

Считается, что с правления Августа или Тиберия сбор податей с императорских провинций производился государственными чиновниками, а за публиканами оставались только сенатские провинции. Но, видимо, некоей единой реформы не было, а проводилась серия различных мероприятий. Данные о публиканах от времени империи действительно имеются только для сенатских провинций. В некоторых случаях их общества были организованы так же, как при республике и в такой форме просуществовали значительно дольше, чем принято думать. По-прежнему сдавались подряды на постройки дорог и общественных зданий. Сбор пошлин в какое-то ближе не известное время от публиканов перешел к кондукторам, также объединившимся в общества и упомянутым еще у Симмаха и в кодексе Феодосия. На откуп сдавался налог на манумиссии, налоги на продажу рабов и других товаров. Наряду с рудниками, управлявшимися прокураторами, сохранялись и сдававшиеся публиканам, поставленным, однако, под строгий контроль. Новые надписи из Кум и Путеол сообщают о манцепсе, бравшем у города подряды на устройство похорон, пытку и казнь рабов. Известны манцепсы, арендовавшие общественный транспорт. *Societates* публиканов не исчезли с установлением империи, а просуществовали, по крайней мере, до середины III в. Договор манцепса, кондуктора, редемптора с государством оформлялся как *locatio-conductio*. Юристы того времени говорят обычно не о публиканах, а о *societas vectigalium*. Павел упоминает, что в делах об этих компаниях следует исходить из *consuetudo*. Очевидно, они соответствовали древним обществам публиканов. Среди других компаний они занимали особое место. Дискуссия о том, имели ли они статус юридического лица, возникла из упоминания Гаем тех обществ и коллегий, которым дозволялось *corpus habere*, иметь общую кассу, имущество, синдика или актора и которые представляли собой целостности, отличные от составляющих их субъектов, упоминающиеся в Дигестах. Обычно считают, что речь здесь идет о компаниях публиканов, выступавших как юридические лица. Однако это толкование, как и толкование термина *corpus*, не однозначно, так как неясно, означает ли *corpus* коллектив или единую целостность. Автор считает, что *corpus habere* была особая привилегия, не соответствовавшая, однако, современному пониманию статуса юридического лица. При империи все компаньоны именовались манцепсами или кондукторами, со всеми ними государство заключало договор, и все несли равную ответственность. Как представитель компании в отношениях с третьими лицами выступал актор. *Societas vectigalium* отличалась от других *societates* тем, что ей обеспечивалась большая стабильность: она не распадалась со смертью одного из сочленов, компаньон не мог по собственной воле выйти из товарищества, дабы не подрывать его платежеспособность. Вместе с тем, в отличие от времен республики, когда принимались во внимание только интересы государства, деятельность этих компаний была поставлена под строгий контроль.

Книга О. Дильберто, по словам автора, ставит себе целью опровергнуть общее мнение об *auctorati* как только о свободных лицах, нанявшихся в гладиаторы, или как о сыновьях, отданных отцами *in mancipium* и считавшимися *in loco servorum*. У Гая *auctoratus meus* упоминается (в связи с похищением людей) наряду с женой *in manu*, детьми *in potestate* и *adiudicati*. У других юристов гладиатор именуется *auctoratus depugnandi causa*, что предполагает наличие и других *auctorati*. Автор разбирает упоминание *auctorati* и *auctoramentum* у Петрония, Манилия, Плиния Старшего, Валерия Максима. У Плиния назван *vindemiator auctoratus* как работник, добровольно подчинившийся строгой дисциплине, соблюдавшейся при сборе винограда. Валерий Максим рассказывает, как Руцилий сперва сдавал свой труд компании публиканов, затем у них же исполнял *auctoratum officium* и, наконец, разбогател и стал консулом. Умалению гражданских прав — *infamia* — подвергались не все *auctorati*, а только гладиаторы, как и другие, выступавшие на арене. Но и другие *auctorati* презирались, как наемные работники. Цицерон, говоря о неблагородном доходе наемных работников — *mercenarii*, поясняет, что получаемая ими плата есть *auctoramentum servitutis*. Однако *auctoramentum* не был идентичен *locatio operarum*, так как сопровождался присягой *iusiur-*

gandum. Гладиатор-auctoratus был близок гладиатору-рабу. Его тоже можно было сдать в наем и продать. Значит auctoratus был в большем подчинении, чем простой наемный работник, поэтому Гай и называет его наряду с находящимися под властью *pater familias*. Петроний ясно различает связанных присягой auctorati, которых называет рабами, и свободных mercenarii. Auctoratus как *adiudicatus*, *addictus* включался в фамилию. Как наемный работник, он должен был согласиться стать таковым и тоже получал жалованье. Разница была в том, что он приносил присягу как тот, кого посвящали богам (например Вергилиева Камилла, посвященная отцом Диане). Возможно, что некогда auctoramentum создавало некую религиозную связь между обеими сторонами. Auctoramentum, как и sacramentum, применялось по отношению к солдатам, от которых, как и от гладиаторов, требовалось безусловное повиновение. Затем это понятие распространилось и на другие сферы, в которых требовалась строгая дисциплина, но религиозный мотив при этом исчез.

Книга Джильберти «*Servus quasi colonus*» имеет подзаголовок: «нетрадиционные формы организации труда в римском обществе». Автор ставит себе задачу собрать и проанализировать все упоминания в литературных и юридических источниках рабов-арендаторов и установить роль рабской аренды в формировании позднего колоната. Первые упоминания раба-арендатора встречаются у Алфена, хотя он ссылается на юриста I в. до н. э. Сервия, сравнивавшего статулибера, обязанного наследнику выплатой определенной суммы, с рабом, арендующим имение. Здесь раб не просто держатель пекулия, а полунезависимый кондуктор. Возникавшие таким образом отношения отчасти преодолевали разрыв между рабом и свободным. В них наиболее остро сказывалось противоречие между статусом раба как имущества (*res*) и как лица (*persona*). Оно влияло и на собственность господина, делившуюся на имущество в пекулии рабов и внесенное в его счетные книги (*rationes*). Доход, приносимый рабом, арендовавшим имение или сдававшим свой труд, определялся как *merces* и составлял доход, получаемый от раба — *fructus servi*. Такого полунезависимого раба, впоследствии отпущенника, и до и после освобождения относившегося к выделенному ему участку как к «своему», автор усматривает в фигуре Титира из I Буколики Вергилия и считает, что уже в то время подобные рабы были довольно многочисленны. Их положение не соответствовало праву и определялось обычаем и концепцией *obligationes naturales*, жившихся на понимании *ius gentium*, что отразилось в самом термине *quasi + colonus* — «как бы колон». Такой квазиколон не входил в инвентарь имения, а был съемщиком имения с инвентарем. Однако класс полусвободных земледельцев формируется, по мнению Джильберти, только при доминате. В I—III вв. перед господами стояла дилемма: или все более рационализировать эксплуатацию сельских фамилий, или в корне изменить основы рабовладельческого способа производства. В это время растет число сотрудников господина, привилегированных рабов, среди которых особенно выделяются вилки и акторы. Государство пытается интегрировать их в общество, охраняя раба как *persona*, господина — всячески привлекая их к себе разными моральными и материальными поощрениями, надеждой на свободу, переводом на положение колонов. Такие рабы не входили в инвентарь имения (*instrumentum fundi*). Автор разбирает приводимые Сцеволой относящиеся к сельскому рабу слова, в которых проводится разница между рабом, трудившимся *fide dominica*, и *mercede*, и приходит к выводу, что под *fide dominica* имеется в виду «по воле господина» и подразумевается обычный сельский раб, второй же вносил арендные платежи и был квазиколоном. Юристы времен Северов, продолжает Джильберти, фактически признавали уравнение всех низших слоев. Так, говоря о *reliqua actorum et colonorum*, они уже не различают арендаторов из свободных и рабов, так как те и другие сближаются. Диоклетиан разъясняет, что аренда земли человеком не свидетельствует о его свободнорожденности, поскольку арендаторами могут быть и рабы, и свободные. Отсюда уже один шаг до прикрепления к земле как свободных колонов, так и сельских рабов. Только приверженность юристов к традиционному для рабовладельческой *civitas* делению людей на рабов и свободных заставляла их упрощенно изображать многообразную реальность, приспосабливаясь к ней лишь введением понятия *ius naturale*.

Специально роли обращения к естественному праву в вопросах, касающихся рабов, посвящена книга Монтелло, показывающая необходимость связать вопросы права с социально-экономическим, политическим и культурным аспектами жизни общества.

Он исходит из сопоставления идей Сенеки в «De beneficiis» с положениями юриста Яволена. Сенека, доказывая возможность благодеяния раба господину, исходит из понятия воли и ее проявления, включающего и *res* и *animus*, что непосредственно связано с общефилософскими положениями стоицизма. *Beneficium* противопоставляется *credium*, предполагающим возмещение, чему соответствует противопоставление *honestum* и *necessarium*, т. е. добровольного и принудительного. Так юридически определяются два типа человеческих отношений: естественные, моральные и стоящие вне природы и вне морали. Только благодеяние реализует природу человека, делает его членом общества — *societas*, связанного сетью отношений, основанных на *fides*. Раб, говорит Сенека, как человек, рабствующий только телом, но имеющий свободную волю — *mens sui iuris*, может оказать благодеяние. Сенека возражал тем, кто, строя цепь отношений между людьми в форме *beneficium* — *officium* — *ministerium*, отводил на долю рабов лишь последнее. Во II—I вв. до н. э. отношение к рабу определялось *utilitas*. С изменением условий появилось и новое отношение, обосновывавшееся разделением морали и права. Первая относилась к общечеловеческому, второе — к гражданскому праву.

Сходное решение давал Яволен, определяя долг господина рабу как *debitum naturale*, исходя из естественных отношений. Обращение к ним давало возможность эластично приспособлять право к требованиям времени: изменению характера рабовладельческой системы и интеграции рабов в общество. С развитием рабовладельческого способа производства и использованием *пекулия* для получения дохода возник вопрос о долге раба *intra domum*. Сервий в первой половине I в. до н. э. связывал долг раба с его *пекулием* и считал, что господин не может быть должен рабу. О долге раба писали и юристы I в. н. э., все более осознававшие связь между деятельностью раба и интересами господина, когда капитал не хранился как сокровище, а вкладывался в дело. Отсюда возник интерес к долгу раба третьему лицу. Прокулианцы при этом исходили из авторитета господина, сабинианцы, — скорее, из его молчаливого согласия; признавая большую инициативу раба, они также связывали это с *пекулием*, как приносящей доход частью *ойкоса*. У этих юристов еще нет противопоставления *civiliter* — *naturaliter* и исходят они из *ius civile*. Все же труды их подготовили учение Яволена о *debitum naturale*, как в связи с *пекулием*, так и в виде всеобщего положения. У Яволена окончательно оформился упомянутый контраст, тезис *quod civiliter possidere non possit, sed naturaliter tenet*, исходя из которого он по-новому определил и статус *пекулия* и учение о долге господина рабу. Признание активности раба Сенека обосновывал философски, Яволен его «технизировал» через посредство концепции *naturale debitum*. В какой мере, спрашивает в заключение автор, вообще можно говорить о соотношении философии и права? И отвечает, что к вопросу этому надо подходить не в общей форме, а исходя из культурной «койнэ» каждой эпохи, из ее ценностей и соотношения ее различных структур.

Сходная проблема рассматривается и в книге В. Скорано-Уссани, сопоставляющего двух прокулианцев — Нерация и его младшего современника Цельса. Нераций, как показывает автор, исходит из приоритета не факта, а права — *ius finitum*, законченного в своей логической структуре, в котором ошибка недопустима, тогда как в фактах она простительна. Цельс принимал в расчет и факт, и волю, следуя Сенеке, который считал, что преступником следует считать и того, кто хотя и не совершил преступления, но имел желание его совершить, например, спал с женой, но думал, что спит с другой женщиной. Право для Цельса сочеталось с этикой отношений между людьми, а мир фактов и их правильная интерпретация стояли на первом месте. Отсюда интерес к природе, к соотношению *natura* и *ius*. Автор говорит о двух направлениях среди тогдашних юристов. Одно предполагало анализ фактов, положений, вещей, второе — анализ ситуации, в которой действовал человек, в ее соотношении с правом. Связь права с этикой предполагала преодоление сомнений в познаваемости субъекта, возможность действительного познания и наличие некоей определенной «шкалы ценностей». Для Нерация ценностями были *fides*, фамилия, власть отца, мужа и господина, при соблюдении ими неких этических норм, диктуемых *pietas*, обязательной и для сына, и для отца. Так, он высказался против того, чтобы отец, по приказу Траяна эманципировавший сына, с которым плохо обращался, имел на его наследство право как *pater manumissor*. У него сочеталось традиционное и новое понимание *pietas*. Он признавал право патронов на максимальное использование труда отпущенников, но считал, что в интересах самих

же патронов будет ввести эксплуатацию в некие разумные пределы. Другой ценностью для Нерация была *aequitas*, как *ratio* существующего строя, его охрана, между прочим, и охрана собственности. *Aequitas* была частью права, гарантией юридического равенства лиц. На этих ценностях зиждилась социальная система, хранимая ими от хаоса. Нераций, чьи идеалы соответствовали идеологии консервативных слоев Рима и Италии, врагов Домициана, сторонников Нервы, выступал против критики римского права у таких представителей интеллигенции, как Дион Хрисостом, Плутарх, Фаворин, стремился связать прошлое римского права с его настоящим прямой линией его рационального развития.

Цельс был теоретиком права как *ars* (т. е. полезного для жизни искусства), *boni et aequi*. Для него право — не замкнутая система формул, а подвижное орудие, способное приспособляться к разнообразию реальности, вырабатывать справедливость в поисках правильного решения каждого случая. Он менее строго относится к традиции, в частности, к отношениям внутри фамилии. Как у ряда философов и раторов, сильно повлиявших на стиль Цельса, *aequum et bonum*, *aequitas* у него противопоставлялись праву. Свойственное ему отрицание догматизма, признание приоритета опыта наличествовали во многих сферах тогдашней культуры. Эмпирики признавали, что следует не давать определения (*desernere*), а исследовать (*inquirere*), взвешивая все *pro* и *contra*, и выносить наиболее правдоподобное решение (точки зрения академиков и скептиков). История права для Цельса не прямая, восходящая линия, а сложный путь со многими ошибками и изменениями в зависимости от обстоятельства. В центре рассуждений Цельса было поведение человека, *mens* и *voluntas*, с учетом различий между людьми, природы каждого индивидуума, тогда как Нераций исходил из усредненного нормального человека. Нераций выступал против рассмотрения соображений законодателя, Цельс — за исследование его воли в противоположность букве и за благожелательность (*benignitas*) в толковании законов. Его ценности: *bonum et aequum*, *benignitas*, *voluntas legum*. Его «философия права» резко отлична от «философии права» Нерация. Она соответствует идеологии городской космополитической, гуманитарной элиты «просвещенного века» Адриана. *Aequum et bonum* заимствовано из греческой философии и юридической мысли, тогда как Нераций основывался на традиционных римских ценностях. Идеи Цельса легко связываются с *ius gentium*, с *naturalis ratio*, известным римлянам, во всяком случае, уже со времен Цицерона. Они соответствовали политике Адриана, проповедовавшего гуманность, справедливость, мягкость в применении права.

Вряд ли есть необходимость особо останавливаться на значении рассмотренных работ этой группы историков Рима. Они по-новому осветили ряд вопросов, лишней раз продемонстрировав, какие возможности открываются перед историком при тщательном и всестороннем анализе сочинений юристов, при их сопоставлении с другими видами источников.

К третьей группе — общие работы — относится, собственно, одна — труд известного итальянского историка и специалиста по римскому праву Ф. де Мартино «Экономическая история Рима»¹¹, написанная, по словам автора, с учетом, в первую очередь, состояния производительных сил и различных видов рабочей силы.

Рамки настоящего обзора не позволяют нам подробно изложить этот капитальный труд. Остановимся только на самом основном, а также на том, что вызывает сомнения и возражения.

Архаическую эпоху автор делит на латино-сабинскую, когда формировалось «унитарное государство»; этрусскую, когда в связи с экономическим подъемом идет прогрессивное развитие государственных институтов в рамках *civitas*, в рамках города-государства; экономический кризис V в. до н. э., обусловивший борьбу патрициев и плебеев; начало нового экономического подъема, экономических и политических реформ в IV в., приведших к глубокой трансформации социально-экономических отношений, развитию агрессии и рабовладельческой структуре общества в следующие века.

Первоначальное преобладание скотоводства в древнейшем Риме было основой гентильной организации. С переходом к земледелию гентильные группы, пасшие скот

¹¹ *De Martino F. Storia economica di Roma antica. V. I—II. Firenze, 1979.*

на общей земле, сменяются фамилиями с собственностью на пахотную землю и при сохранении общего владения пастбищами и лесами, поскольку двухюгеровый надел не мог прокормить семьи, где, судя по мужским именам, могло быть 5—10 сыновей. Ремесло было развито слабо, металлов было мало, преобладала бронза. Только при этрусских царях развивается металлургия, ремесло, торговля, связи с греческими центрами. Со 150 км² при первых царях, площадь Рима к концу монархии возросла до 800 км², поделенных на 16 триб. Соответственно, численность населения возросла с 10 тыс. до 50 тыс. человек. Осуществленное знатью изгнание царей и упадок могущества этрусков вызвали экономический кризис, аграризацию экономики, нехватку зерна и борьбу за землю между сельскими классами патрициев и плебеев. Существовавшие до *civitas* роды автор считает политическими организациями с суверенной властью, общей землей, своими культами и правом. Члены рода были подчинены *pater gentis* «отцу рода», с развитием клиентелы внутри рода возникают зародыши деления на классы, хотя клиентела была не юридической, а морально-религиозной категорией, основанной на *fides*. Де Мартино не считает, что клиенты за какие-либо взносы и повинности получали землю от патронов, так как, судя по преданиям о патрициях, самолично пахавших землю, клиенты должны были помогать патрону, а не работать вместо него, тем более, что клиентов, видимо, было немного. Рабство тогда отсутствовало. Победленных не обращали в рабство, а инкорпорировали. Основным было противоречие между патрициями и плебеями, вызванное тем, что патриции входили, а плебеи не входили в гентильные организации, имели лишь двухюгеровые наделы, подрабатывали на землях патрициев, в ремесле, торговле, с упадком которых стали разоряться и домогаться доступа к земле. Поворотным пунктом де Мартино считает падение Вей и наделение за счет конфискованной у них земли (150 тыс. югеров) 5 тыс. глав фамилий и добавление к *ager publicus* 100 тыс. югеров. Из них патриции могли оккупировать участки свыше 500 югеров, а после законов Лициния — Секстия — до 500 югеров. Землю могли брать и богатые плебеи — *homines novi*, ратовавшие за политические реформы. Основной рабочей силой тогда были *пехи*, освобожденные лишь в результате долгой борьбы с *пехум*. Колонизационную политику Рима де Мартино считает делом патрициев. Плебеи неохотно шли в колонии, где наделы были малы, предпочитая получать землю на *ager publicus*. Очень подробно автор рассматривает историю римской монетной чеканки (начало ее он относит к середине IV в. до н. э.) и соотношение бронзовой, серебряной и золотой монеты в разное время.

Переходя к III—II вв. до н. э., де Мартино анализирует влияние Пунических войн и последующей широкой колонизации на экономику Италии, отмечая развитие крупного землевладения за счет концентрации заброшенных земель, рост числа мелких и средних вилл, работавших на рынок, упадок спроса на местное зерно и развитие виноделия и скотоводства, замену свободных работников рабами. В результате империалистических войн общество стало рабовладельческим. Параллельно высший класс разделился на аристократию и дельцов, хотя разница между ними была нечеткой.

Рабство, по мнению де Мартино, было новым институтом. Оно не «упало с неба», а стало развиваться под влиянием потребности в рабочей силе с середины IV в. до н. э. Как видно по тяжелому положению *пехи*, рабство не было патриархальным. Но в IV в. до н. э. рабов было еще мало, так как территория Рима была слишком невелика, чтобы вместить много рабов. Число рабов (хотя оно и неизвестно) быстро растет после Пунических войн. Своих классических форм рабство достигает во II в. до н. э. в связи с продажей множества пленных и распространением латифундий. В значении естественного воспроизводства рабов де Мартино сомневается: детей рабов стали воспитывать только к концу республики и то в виде исключения (Красс, Атик). С подешевлением пленных эксплуатация рабов усилилась, что вызвало рабские восстания, вынудившие людей образованных (например Варрона) более гуманно обращаться с рабами. Затраты на содержание рабов плюс затраты на их покупку были меньше, чем плата свободному наемному работнику. Зато наемнику приходилось платить временно, рабов же надо было содержать всегда, и с их смертью терялся затраченный на их покупку капитал.

Де Мартино спорит с теми, кто отрицает наличие классов в Риме, исходя из значения деления общества на сословия и статусы и на отсутствие у рабов четкого классового самосознания, а также на различное положение разных групп рабов. По мнению де Мартино, в Риме классы и сословия совпадали; рабы, находившиеся в лучшем

положении, все же принадлежали к классу рабов, так же как обедневшие нобили продолжали принадлежать к классу нобилей. Де Мартино не считает, что труд рабов был не продуктивен — в противном случае вся система не могла бы просуществовать так долго, но был менее производителен, чем труд свободного. Продуктивность рабского труда обеспечивала продолжительность рабочего дня (9—15 часов), суровая дисциплина, надзор, обещание наград. Раб был выгоден, так как всегда был под рукой, но его дешевизна препятствовала господам заботиться о техническом прогрессе, а тот незначительный прогресс, который был, не менял структуру экономики, оставшейся аграрной. В сельском хозяйстве основной рабочей силой были рабы, частично батраки. Нельзя наряду с ними ставить кабальных и клиентов, которые теперь стали экономически независимыми. Рабство, войны и рост латифундий привели к аграрному кризису, начавшемуся с Грахов. Грахи не понимали роли рабства. Главным злом для них были латифундии, но они не смогли ни противодействовать их росту, ни ликвидировать все углублявшийся кризис. Рабство было несовместимо с прогрессом. Сельское хозяйство развивалось лишь благодаря внедрению новых культур и рациональной организации, но все это давало бы больший эффект при свободном труде. Рабство соответствовало интересам господ, но не гражданского коллектива.

Далее де Мартино рассматривает состояние кредита (нормирование процента в разные эпохи, деятельность аргентариев), промышленности (начиная с находок ремесленных изделий в архаических некрополях до развития ремесла и строительного дела в III—I вв. до н. э.) и торговли и подчеркивает ее широкий размах, участие в ней не только италиков, но и римлян. Наибольший ущерб экономике приносили, по его мнению, публиканы, влиявшие на политику Рима в сторону агрессии. В общем, заключает он, вся социально-экономическая система республиканского Рима определялась империализмом и рабством, была полна противоречий, не была способна к прогрессу и индустриализации, так как рабство и неспособность ценить труд вели к стагнации техники. Правда, в ремесле свободные работники оставались, но занимали очень низкое положение. Была специализация, но не разделение труда, подобное современному. Коллегии, в отличие от профсоюзов, не были классовыми организациями (возникновению которых препятствовала конкуренция рабского труда), не влияли на положение работников. Классового самосознания не было ни у свободных ремесленников, ни у рабов. Они не боролись ни за отмену рабства, ни за повышение заработной платы, ни за рабочее законодательство. Состояние провинций при республике де Мартино оценивает более оптимистически, чем то обычно принято: несмотря на подати, реквизиции, войны, они были достаточно богаты, чтобы вывозить свою продукцию в Рим. В общем эксплуатация провинций была менее жестокой, чем колоний нового времени. К тому же власть Рима давала известную стабильность их экономике. Особенно выгадали, по мнению автора, от римского завоевания эллинистические царства, где под влиянием восточных элементов исчезла греко-римская идея свободы, поскольку запад якобы всегда был склонен к свободе, а восток к деспотизму. Правда, полагает де Мартино, «маленькие люди» мало что выгадывали от идеи свободы, но и сами по себе идеи имеют великое значение.

Переходя к империи, автор пишет, что особых изменений в экономике первоначально не произошло. Сохранялось крупное землевладение и огромные богатства отдельных лиц. По-прежнему основой экономики оставалась агрикультура, за счет которой богатели и крупные собственники, и декурiones. Но уже в I в. появляется кризис в сельском хозяйстве, особенно в земледелии, меньше в скотоводстве. Он вызывался отсутствием землевладельцев, нехваткой рабочих рук, низкой продуктивностью рабского труда, экономической слабостью и низким положением колонов. Императоры, не борясь с корнем зла, принимали паллиативные меры. Lex Manciana и закон Адриана касались первый только субсеив в сальтусах, второй только пустующих земель, так что значение их было ограничено и не говорит о желании правительства защитить крестьян. Они уходили с земли, и земля приходила в упадок. В разных районах кризис проходил по-разному и наиболее глубок был там, где имела место наибольшая концентрация земли. Главной причиной кризиса де Мартино считает уменьшение числа рабов, так как иссяк приток пленных, и уменьшение рождаемости детей у рабов из-за непризнания законности их браков. Сокращение числа рабов вызвало глубокие изменения во всей системе производства. Приходилось прибегать к труду колонов,

мало продуктивному, так как колонны были всегда в долгу. Кризис системы отразился в законах, защищавших рабов и в принципе *favor libertatis*, что должно было поднять производительность рабского труда. Преимущество колоната сводилось только к экономии в труде надзора. Но его распространение не улучшило положения, и земли продолжали пустеть.

В ремесле свободный труд был эффективнее рабского, поэтому, например, галльская *terra sigillata*, в производстве которой были заняты ассоциации свободных мастеров, вытеснила арретинскую, изготовлявшуюся рабами. Торговля, по мнению де Мартино, во время империи была, в общем, развита слабо и резко отличалась от торговли эпохи капитализма своей организацией, например отсутствием торговых компаний. Не было определенной торговой политики у государства, хотя обеспеченный им мир, дорожное строительство, благоустройство гаваней стимулировали торговлю.

Рассматривая кризис III в., де Мартино замечает, что элементы кризиса прослеживаются уже в век Антонинов: отсутствие технического прогресса, притока новых ресурсов, даваемых войнами, слабость производства в Риме, оставшемся паразитом, жившим за счет эксплуатации подданных, тяжелое положение крестьян. Начало кризиса сказалось в вызванном сокращением притока в казну драгоценных металлов ухудшении качества монеты, инфляции, росте цен, которые к середине III в. выросли на 80%. Причины кризиса крылись в отсутствии стабильности, безопасности, в недостатке рабочих рук, в общем изменении всей социальной структуры, обусловившем переход к абсолютизму. Абсолютизм был выгоден господствующему классу, готовому поступиться частью своего влияния ради укрепления власти над работниками.

Кризис был преодолен с переходом к использованию нового вида рабочей силы — колонату и закрепощенным коллегиям — и к новому политическому строю. Принципат, зикджившийся на неразрывно связанной с рабством *civitas*, был еще отчасти продолжением республики. Основой нового строя было закрепощение колонов разных категорий, определявшихся характером связи колона с землей — по цензу, по *tributum*, по *origo* и т. д. В связи с анализом этих категорий де Мартино рассматривает фискальную политику домината, соотношение *iugum* и *caput*, и приходит к выводу, что они не были взаимосвязаны и менялись в зависимости от локальных условий. Прикрепление колонов было вызвано и фискальными соображениями, и необходимостью возделывать пустующие земли. С классовой борьбой переход к колонату не связан, так как положение колонов становилось не лучше, а хуже. Ставя вопрос о связи колоната с переходом к феодализму, де Мартино, неизвестно на каком основании, пишет, будто советские историки более не считают этот переход революционным. По его мнению, он таковым и не был, и смена рабовладельческого способа производства произошла не в результате революции, а в результате гибели обоих борющихся классов.

В двух заключительных главах — «Империя и римский мир» и «Характер римской экономики» — автор определяет эпоху империи как медленный переход от городогосударства, подданными которого были все провинциалы, к унитарной империи и всеобщему сознанию своей к ней принадлежности. Однако не все провинции достигли одинакового уровня, так как различались по географическому положению, стратегическому значению, силе национального сопротивления. Не может быть дана и единая характеристика римской экономики, годная для всех эпох. В первые и последние века она не была рабовладельческой. Таковой она была от времени Пунических войн до конца принципата. Она не была капиталистической, так как капитализм невозможен без разделения труда, машин, крупных фабрик, отчуждения. Но не правы и те, кто считает, что римская экономика была полностью неавтоматна и господствовали лишь политические факторы. Решающую роль играл рабский труд, тормозивший прогресс, истощавший землю, породивший в высших классах равнодушие к исследованиям, к практическому приложению науки к экономике, почти не развивавшейся.

Книга де Мартино, несомненно, — основанный на большом материале серьезный труд, но многое в нем вызывает сомнения и возражения.

Несколько субъективен подход автора к источникам: выступая против гиперкритицизма, он доверяет многим сообщениям, подлинность которых ранее вызывала сомнения, но, исходя из своей концепции позднего появления рабства в Риме, отвергает все противоречащие ей данные источников, упоминающих рабов в V—IV вв. до н. э., — восстание Гердония, посвященные рабам и отпущенникам статьи законов XII Таблиц

и т. п. Опровергая данные источников об эксплуатации кабальных должников в I в. до н. э., он объявляет их не соответствующей действительности пропагандой популяров, но с полным доверием относится к знаменитому отрывку речи Тиберия Гракха, как к достоверному свидетельству о положении римских крестьян, хотя сам же замечает, что эта речь — прекрасный образец политической пропаганды. Без всяких сомнений принимает он и свидетельства о росте латифундий уже во II в. до н. э., хотя это неоднократно оспаривалось (в нашей литературе наиболее полно в работах В. И. Кузищина). Такой субъективизм ставит ряд выводов де Мартино под сомнение.

Столь же субъективен и метод полемики де Мартино. Так, выступая против предложенной в моих работах точки зрения на источники рабства и на несостоятельность объяснения кризиса рабства нехваткой рабов из числа пленных, он выбирает те мои аргументы, которые считает возможным оспорить, оставляя в стороне те, которые, возможно, труднее опровергнуть, как, например, отсутствие у античных авторов каких-либо жалоб на нехватку и подорожание рабов и, напротив, их сетования на чрезмерное возрастание числа рабов, вызвавшие даже попытку при Тиберии законодательно ограничить число рабов, принадлежащих одному господину; то обстоятельство, что пленных с конца II в. стали чаще обращать в колонов, чем в рабов, а следовательно, не были заинтересованы в приобретении последних; данные о семьях рабов, во все большей мере признававшихся даже юристами, и т. п.

Что касается архаической эпохи, то выше мы уже говорили об уязвимости теории суверенности гентильной организации во главе с не упоминаемым ни в каких источниках отцом или принцем рода и о спорности квалификации патрициев и плебеев как сложившихся классов (кстати, еще более неправомерно определять как класс нобилитет). Более чем сомнительно положение де Мартино о формировании «унитарного государства» уже при первых римских царях. Как можно говорить о существовании государства при отсутствии классов и хоть какого-то военно-бюрократического аппарата для подавления одного класса другим? Здесь, видимо, отразилось достаточно распространенное, но не оправданное и сейчас пересматривающееся¹² представление, согласно которому любая власть в обществе, пусть самом примитивном, является государственной властью. Стирается разница между необходимым во всяком социальном организме, при любом способе производства, в любой производственной ячейке руководстве, организующем их материальную и духовную деятельность, регулирующем внешние и внутренние отношения, и государственной властью, возникающей лишь при разделении общества на классы и обострении борьбы между ними. Вопрос о процессе становления государства в Риме очень сложен и не случайно К. Николе писал, что даже в период расцвета Римской республики мы не находим в ней институтов, которые привыкли, следуя Ф. Энгельсу, связывать с государством¹³. Здесь не место разбирать эту сложную проблему, но, во всяком случае, вряд ли можно без тени сомнения считать Рим эпохи царей государством.

Выше мы уже упоминали отношение де Мартино к раннему возникновению рабства, которое «не могло упасть с неба» (с. 22 и 69). Но рабство никогда не «падает с неба», и если отказаться от полного нежелания использовать сравнительный исторический и этнографический материал, то нельзя не признать, что рабство в виде рабства внутри рода, общины, большой семьи появляется спонтанно (а не вследствие заимствования у кого-либо) на очень ранней ступени развития различных обществ, внутренне еще очень слабо дифференцированных при различных источниках его возникновения, различном использовании рабов и различном обращении с ними. Поэтому отрицание подлинности всех данных источников о рабстве в Риме до середины IV в. до н. э. незаконно, как незаконно всякий гиперкритицизм.

Мифом считает де Мартино известие о многочисленных клиентах Атта Клавза и Фабиев и отрицает их связь с землей патронов, самолично пахавших землю, как Цициннат. Но он не упоминает известий о древних колонах, видимо, приравнивавшихся к клиентам, не анализирует эти упоминания, не приводит аргументов в пользу их недостоверности или подлинности, позволяющих или принять или отвергнуть сообщаемые факты. То же относится к данным источников о близких клиентам колонах, сидев-

¹² *Кубель Л. Е.* Потестарная и политическая этнография. — В сб.: Исследования по общей этнографии. М., 1979, с. 241—272.

¹³ *Nicolet C.* Le métier de citoyen dans la Rome républicaine, P., 1976, p. 326.

ших в I в. до н. э. на землях крупных собственников (например, Домиция Агенобарба и Помпея), набравших из них вооруженные отряды, или о тех упоминаемых Горацием клиентах, которые из поколения в поколение сидели на земле имения и которых изгоняет жадный богач. В данном случае опять-таки можно сказать, что умолчание не есть доказательство. Игнорирование де Мартино всех форм эксплуатации чужого труда вплоть до середины I в. н. э., кроме труда рабов и отчасти батраков, приводит и к игнорированию различия в типах хозяйств. И латифундии, и средние и мелкие виллы обрабатывались, с его точки зрения, только рабами. Колонат, и то как побочное явление, появляется у него только с середины I в. н. э. и развивается во II—IV вв. Соответственно он отвергает наличие в Римской империи различных социально-экономических укладов, признавая лишь один, рабовладельческий. Он не считает нужным учитывать ни данные о многообразии работников, возделывавших крупные салтусы (рабы, занятые в земледелии, ремесле, администрации, рабы-квазиколоны, колонны, прекарисы, отпущенники, сидевшие на земле и обязанные отработками), ни различия в организации хозяйства вилл и салтусов, ни различий во владельческих правах собственника экзимированного салтуса и собственника виллы на городской земле и, соответственно, различных отношений с рынком и различного распределения дохода, значительная часть которого у муниципального собственника уходила на нужды города. Поэтому объяснения всех шедших в империи процессов де Мартино ищет только в росте или уменьшении числа рабов из пленных. Не повторяя содержащихся в моих работах и оспариваемых де Мартино аргументов, направленных против этой столь распространенной точки зрения, позволю себе только задать вопрос, почему и каким образом классический рабовладельческий способ производства развился и в Афинах, не ведших империалистических войн и не захватывавших миллионы пленных? Очевидно, причины надо искать не во внешних факторах, а в особенностях структуры античной гражданской общины, не допускавшей широкой эксплуатации труда свободных сограждан. Игнорирование глубинных причин возникновения и развития античного рабовладельческого способа производства приводит к более чем странному недоумению де Мартино по поводу того, что ни в одной демократической программе в Риме не стояло требование отмены рабства (с. 173), как будто установление или отмена того или иного способа производства может зависеть от воли той или иной «партии» при полном отсутствии условий для осуществления таковой.

Противоречивы высказывания де Мартино о продуктивности рабского труда. С одной стороны, он признает, что, будучи вовсе непродуктивным, рабский труд не мог бы так долго просуществовать. С другой стороны, всячески подчеркивает его несовместимость с прогрессом, особенно техническим, поскольку, имея дешевых рабов, господа не были в нем заинтересованы. Сообщения Варрона и других авторов о процветании италийского сельского хозяйства де Мартино считает вымышленными. Аргументы его далеко не новы и не убедительны. Он не видит разницы между различными этапами развития рабовладельческого хозяйства, пытаясь оценить его в целом. Между тем очевидно, что на одном этапе, когда хозяйство еще не требовало высокой квалификации и инициативы работников, которых можно было принудить выполнять достаточно простую работу, труд рабов благодаря разделению труда на вилле, простой кооперации, использованию лучших средств производства был рентабелен и способствовал прогрессу. Когда же возросший уровень производства потребовал более квалифицированных, инициативных работников, рабский труд стал тормозом, так как простым принуждением нельзя было заставить рабов применять свое искусство, знания, трудиться внимательно. Кроме того, сами господа опасались рабов знающих и сообразительных, подозревая их в «мятежном духе». Сравнение сочинений Катона, Варрона, Колумеллы и некоторых других авторов совершенно ясно рисует такое положение дел. Что касается технического прогресса, т. е. механизации, то и тут дело не в дешевизне рабов, а в ином, более глубоко лежащем противоречии рабовладельческого способа производства. Де Мартино, как и многие другие историки, любит сравнивать римский и капиталистический мир, отмечая в первом отсутствие ряда институтов, свойственных второму (например, банков, акционерных компаний, рабочего законодательства и т. п.), хотя вообще-то изучение античного общества следует вести, прежде всего, исходя из него самого, а не из сравнения с каким-то другим. Но как раз в вопросе об индустриализации и ее возможностях, видимо, привлекать закономерности капиталистической

формации можно и должно. Иначе говоря, чтобы понять, почему в античном мире не появились машины, следует сопоставить характерные для него условия с теми, которые привели при капитализме к появлению машин. Как известно, механизации должно было предшествовать возникновение крупных мануфактур и сложная кооперация (К. Маркс приводит в пример изготовление игловок, требовавшее 20 операций). Но при рабстве ни то, ни другое не было возможно: крупные рабовладельческие предприятия, будь то мануфактуры или латифундии, быстро распадались из-за невозможности обеспечить необходимый надзор за большими массами рабов. И нельзя было принудить раба с достаточной аккуратностью и вниманием выполнять отдельные тонкие операции в условиях сложной кооперации, как нельзя было, по словам Колумеллы, добиться от дорогих, но подозреваемых в «мятежном духе», а потому трудившихся закованными виноградарей, чтобы они выполняли требующий внимания и прилежания разбор лоз по сортам. Поэтому условий для изобретения и введения машин не создавалось, и такой целью не задавались.

Де Мартино полагает, что поскольку основные подати взимались натурой, развитие денежной экономики не влияло на кризис рабства. Но дело здесь не только в податях, но и в денежных налогах, в денежной арендной плате и, наконец, в тех денежных расходах, которые городские собственники несли в пользу городов и которые обуславливались всем строем античной гражданской общины. Видимо, чтобы разобраться в этом вопросе, следует проследить динамику развития соотношения между необходимым и прибавочным продуктом в натуральной и денежной форме, извлекавшимся владельцем виллы, и выявить, хотя бы примерно, как росла доля необходимого продукта в связи с разными мерами по поощрению рабов, какая часть прибавочного продукта могла идти на простое или расширенное воспроизводство, какая на обязательства владельца в отношении города и государства. Тогда, видимо, удастся прийти к каким-либо, хотя бы гипотетическим предположениям относительно влияния развития денежного обращения на состояние рабовладельческого хозяйства и на возможность покрыть необходимые расходы в денежной форме при остававшейся неизменной или даже несколько возросшей производительности рабского труда.

Такой же анализ соотношения необходимого и прибавочного труда рабов и колонов может дать возможный ответ на вопрос о сравнительной рентабельности труда рабов и колонов в разные эпохи и в разных областях античного мира¹⁴ и помочь понять, почему мог совершаться переход от одного к другому.

Помимо этих конкретных замечаний следует отметить два положения де Мартино, вызывающих возражения с общеметодологической точки зрения. Одно относится к упоминавшемуся уже разделу «Рим и эллинистический мир», в котором он утверждает, будто «восток всегда был склонен к деспотизму, запад — к свободе» (с. 213). Думается, что этот тезис даже не нуждается в серьезном опровержении и не достоин такого серьезного исследователя, как де Мартино: если он хотел показать разницу между восточной и западной половиной римской державы, то должен был бы показать корни этой разницы, ища их в общем ходе исторического процесса в разных частях древнего мира, а не прибегать к избитым и достаточно реакционным формулам.

Далее, де Мартино утверждает, будто советские историки отказались от оценки перехода от рабовладельческой к феодальной формации, как революционного (с. 220). Известно, что историки СССР и социалистических стран изучают этот переход под многообразными углами зрения (большее или меньшее значение внутренних и внешних факторов, характер классовый борьбы, расстановка классовых сил и союз разных классов с «варварами», соотношение континуитета и дисконтинуитета и т. д.). Делаются попытки установить своеобразие этой смены формаций по сравнению с другими революциями, но отказ от точки зрения на этот переход как на революционный места не имеет и вряд ли может иметь. Ссылка на «гибель обоих борющихся классов» здесь ничего не дает, так как даже если считать, что классы рабов и рабовладельцев, зависимых крестьян и земельных магнатов погибли, то и это могло бы произойти только в результате социальной революции¹⁵.

¹⁴ Павловская А. И. К вопросу о рентабельности труда рабов и колонов.— ВДИ, 1977, № 1.

¹⁵ Обзор и критика взглядов на социальную структуру Рима ряда западных историков были даны мною в статье: Zu Problemen der sozialökonomischen Geschichte Roms.— Archive européen de sociologie. XXI, 1980, p. 141—161.

Как показывает этот по необходимости краткий обзор, перед историками стоит еще много задач даже, казалось бы, в хорошо исследованных областях истории древнего Рима. Пожалуй в первую очередь здесь требуются новые исследования по сословно-классовой структуре античного и, в частности, римского общества, поскольку именно по этим вопросам выдвигаются наиболее спорные положения.

Е. М. Штаерман
